

УДК 111

Безумие и психическая болезнь в свете философии Э. Левинаса**Громова Елена Игоревна**

Аспирант,

кафедра онтологии и теории познания,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский просп., 27/4;

e-mail: vashgromik@rambler.ru

Аннотация

Автор предполагает, что в рамках предложенной Э. Левинасом концептуализации «другого» осуществляется различение концептов «безумие» и «психическая болезнь», что сказывается на понимании мышления и языка. Свою гипотезу автор обосновывает, опираясь на указанное С.А. Шолоховой сходство левинасовского концепта «пассивность пассивнее самой пассивности» и концепта «сверхстрастность» А. Мальдине. Для двух концептов характерна абсолютная открытость по отношению к инаковости. Безумие в концептуализации «другого» у Левинаса автор усматривает в самом отношении к «другому», которое не может быть объяснено рационально и которое является основанием для возникновения мышления и языка. Отсутствие «сверхстрастности» у шизофреника, продемонстрированное Мальдине, дает возможность предположить отсутствие «пассивности пассивней самой пассивности» при психической болезни, что позволяет различить концепты «безумие» и «психическая болезнь». Безумие как ответственность за «другого» мыслится в качестве условия мышления и языка. Невозможность или затруднения при ответе на зов «другого» свидетельствуют о психической болезни. Возможность разграничения концептов «безумие» и «психическая болезнь» позволят избежать сравнений и проведения параллелей с конкретным психическим заболеванием при концептуализации «другого», языка и мышления.

Для цитирования в научных исследованиях

Громова Е.И. Безумие и психическая болезнь в свете философии Э. Левинаса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 98-107.

Ключевые слова

Э. Левинас, А. Мальдине, психическая болезнь, безумие, «другой».

Введение

Идеи Э. Левинаса активно переосмысляются не только в философской среде, но и в психиатрии, психологии, религиоведении, гендерных исследованиях. Вместе с тем отношение к его наследию нельзя назвать исключительно положительным. В частности, речь идет о ставших расхожими обвинениях в излишней идеализации «другого». Как отметила в интервью А. Ямпольская, «Левинаса много обвиняли в том, что он пытается протащить в философский дискурс сугубо теологическую проблематику» [Ямпольская, 2012, www].

Мы думаем, что осмысление философских идей Левинаса в рамках работы с психической болезнью может показать, что его концептуализация инаковости не исчерпывается одним лишь этическим пафосом или религиозной риторикой. Мы считаем, что привлечение исследований психической патологии, учитывающих подход Левинаса, демонстрирует различие концептов «безумие» и «психическая болезнь», которое подчас представляет трудность для философского дискурса. При этом различие безумия и психической болезни сказывается на понимании мышления и языка, т. е. проблем, уже долгое время остающихся краеугольными для философии. Таким образом, цель нашей работы – обосновать выдвинутые предположения. Для ее достижения мы должны посмотреть, как может быть осуществлена интеграция философии Левинаса в практику лечения психической патологии. Такая возможность нам дается С.А. Шолоховой, попытавшейся предоставить проект трансформации Dasein-анализа в психиатрии на основе идей Левинаса и А. Мальдине. Соответственно, перед нами встают следующие задачи. Во-первых, мы попытаемся прописать, где, на наш взгляд, таится безумие в концептуализации «другого» у Левинаса. Во-вторых, реконструируем понимание психической болезни у Мальдине. В-третьих, на основании интерпретации С.А. Шолоховой представим, как может быть расширен его подход за счет концептуализации «другого» у Левинаса и будет ли оправдан этот проект.

«Другой» и «семя безумия»

С.А. Шолохова угадывает в концепте «сверхстрастности»¹ А. Мальдине черты левинасовской «пассивности пассивнее самой пассивности» и указывает на то, что основанный на Dasein-анализе² терапевтический подход может быть трансформирован с учетом левинасовского понимания «другого» и отношения к нему. В целом мы согласны с мнением исследовательницы и считаем, что между концепциями двух мыслителей можно разглядеть сходство. Оно, в свою очередь, как нам кажется, может опять же показать, что происходит с субъектом, если с субъективностью оказывается что-то не так. Продемонстрируем свою мысль.

- 1 По-французски термин, переведенный как «сверхстрастность», пишется *transpassibilité*, т. е. «страстность» отсылает не к пылким чувствам, которые человек может испытывать, например, в порыве влюбленности, а к страдательности, претерпеванию чего-либо.
- 2 Шолохова говорит о Dasein-анализе Л. Бинсвангера, оказавшего на Мальдине определенное влияние. Бинсвангер попытался построить терапевтическую практику в психиатрии на основе экзистенциальной аналитики Хайдеггера.

Для Левинаса «пассивность пассивнее самой пассивности» – это субъективность, то, что делает конкретного индивида субъектом. Ее характеризует абсолютная восприимчивость, открытость божественной заповеди любви к ближнему. Она не может не откликнуться на зов «другого». При этом речь идет не о сознательном выборе «отвечать или не отвечать». «Пассивность пассивнее самой пассивности» не может быть интроспективно обнаружена в сознании мыслящего субъекта, она является условием возникновения мыслящего субъекта. Отзыв на зов «другого», по Левинасу, осуществляется вопреки самому себе (*malgré moi*), отчасти потому что в самом отзыве и зарождается субъект, мыслящий, способный сделать сознательный выбор.

При этом «другой» в размышлениях Левинаса описывается как страдающий. Субъективность, таким образом, воспринимает муки «другого». Она отзывается на боль и переживания другого человека, вплоть до того, что субъект, появившийся в самом ответе на призыв, готов взять на себя страдания ближнего. Таким образом, идентичность субъекта зависит от зова «другого». Иными словами, «субъективность структурирована как *другой в самотождественном (l'autre dans le Même)*» [Lévinas, 1978, 46].

В книге «Тотальность и Бесконечное» Левинас проговаривает, что «другой» не может быть познан. Его Лик взрывает всякий горизонт и не оформляется с помощью априорных форм чувственности. Однако его появление остается условием мышления. Дело в том, что мышление в рамках концептуализации «другого» у Левинаса зависимо от языка. Именно язык, как считает философ, создает объекты, то, о чем можно мыслить. «Объективность объекта и его означение проистекают из языка» [Левинас, 2000, 125]. А язык – это отношение к «другому».

При этом концептуализация «другого» осуществляется Левинасом так, что «другой» предшествует субъекту не только потому, что субъект возникает как ответ на его зов, но и потому что Лик «другого» располагается в следе, оставленном Другим, Богом, в абсолютном прошлом. Т. е. в таком прошлом, которое не может быть зафиксировано посредством ретенции, усилий памяти или истории. «Никакая память не смогла бы отследить это прошлое по его следу» [Левинас, 1998, 184]. Таким образом, зов «другого» проистекает из абсолютно минувшего, но увернуться от него субъект не может из-за открытости «пассивности пассивнее самой пассивности». Фактически, субъект оказывается преследуем или одержим «другим», травмирован его страданием. Порядок диахронии, ответственность за «другого», которую субъект не принимает на себя осознанно, Левинас называет «семенем безумия» (*un grain de folie*) [Lévinas, 1978, 146]. Иными словами, безумие размещается Левинасом в отношении к «другому», в ответственности за него, но именно эта ответственность и делает субъекта субъектом, определяет его идентичность.

Получается, что условием возникновения субъекта, а значит, мышления и языка, мыслится безумие. И здесь мы сталкиваемся с проблемой различения концептов «безумие» и «психическая болезнь». Описывая отношение к «другому», Левинас нередко употребляет такие слова как одержимость (*obsession*), психоз, что ставит нас перед вопросом: в каком отношении к психической болезни находится проскользнувшее в левинасовскую концептуализацию «другого» без-

умие? Имеем ли мы право проводить параллели между описанием конкретной нозологической единицы и безумием, лежащим в основе мышления и языка? Ответить на этот вопрос, учитывая интерпретацию С.А. Шолоховой, мы попытаемся с помощью концепции Мальдине.

Открытость инаковости и психоз

По Мальдине, «сверхстрастность» – это «бесконечная способность быть раскрытым» [Мальдине, 2014, 198]. Раскрытым в том в числе и тому, что не может быть предвидено, что сопротивляется и взрывает любые а priori, т. е. событию. Событием для Мальдине является и встреча с другим человеком как тем, кто оказывается для меня непрозрачен. С.А. Шолохова отмечает, что событие может быть травматично, как травматична встреча с «другим» у Левинаса. Эта травма у Мальдине также становится отправной точкой для преобразования мира, которое вслед за собой влечет и преобразование Dasein, или субъекта в рамках размышлений Шолоховой. Событие, возникая из Ничто, привносит такой способ выражения в мир, с которым до этого Dasein не сталкивалось. Мы думаем, можно сказать, что мирность мира на какое-то время обрушивается, подручное перестает быть подручным, мир должен быть отстроен заново, но заново отстроенный мир уже будет отличаться от того, каким он был до события. При этом выстраивание нового мира не происходит осознанно. Мир преобразуется как раз благодаря абсолютной восприимчивости «сверхстрастности», которая не только воспринимает, но и принимает событие, не уворачивается от него и не закрывается по отношению к инаковости.

Абсолютная открытость событию, инаковости делает мир изменчивым и зависимым от встречи в том числе с «другим». При этом событие размещается Мальдине в абсолютно прошлом, которое, аналогично абсолютно прошлому у Левинаса, не встраивается в цепочку ретенций.

Зависимость мира от встречи субъекта с инаковостью, описание события и «сверхстрастности» у Мальдине переключается с левинасовским осмыслением «другого». Нам интересно как раз то, что Мальдине, разрабатывая свои представления о «сверхстрастности», приходит к тому, что не всегда «сверхстрастность» осуществима. По его мнению, шизофреник «не способен к сверхстрастности. В этом и состоит сущность шизофрении» [там же, 191]. Иными словами, шизофреник – тот, для кого встреча с «другим» оказалась невыполнима в том отношении, что событие не влечет преобразования его мира. По Мальдине, шизофреник застревает между двумя мирами: тем, который обрушился под воздействием события, и новым, еще не отстроенным, который при психической патологии человек не может принять. Т. е. «другой» не становится основанием мира при психозах. Мир психотика, таким образом, мир без «другого» или без события. Если принимать во внимание сходство «сверхстрастности» и «пассивности пассивнее самой пассивности», то, что при психической патологии «сверхстрастности» нет, мы думаем, хотя бы косвенно, но указывает и на отсутствие левинасовской «пассивности».

Ответственность и психическая болезнь

С.А. Шолохова предлагает выстраивать терапевтическую практику как «побуждение к ее (сверхстрастности) возникновению» [Шолохова, 2014, 267]. Это побуждение, по мысли исследовательницы, основывается на отношении к «другому» в левинасовском понимании. Что, на наш взгляд, предполагает возникновение у шизофреника такого отношения к «другому», о котором мы говорили ранее, реконструируя воззрения Левинаса. Т. е. для восстановления «сверхстрастности», или «пассивности пассивнее самой пассивности», как мы понимаем, должен появиться такой «другой», симметричные отношения с которым или уравнивание которого с вещью оказались бы невозможны. Таким «другим» в кабинете психиатра выступает врач. Его роль, по мнению С.А. Шолоховой, «состоит <...> в установлении контакта с ним (пациентом), настоящего общения, без которого больному невозможно вырваться из своего патологического состояния» [там же, 268]. Но что представляет «настоящее общение», исследовательница не поясняет. На основании видимого сходства концептов Левинаса и Мальдине она предлагает лишь проект работы с людьми, страдающими от загадочной и достаточно тяжелой болезни, остерегаясь давать конкретные указания по его осуществлению.

Сходство между концептами «пассивность пассивнее самой пассивности» и «сверхстрастность», мы считаем, напрашивается само собой. И тот факт, что «сверхстрастность» отсутствует у шизофреников, как мы уже проговаривали, дает основания предполагать, что и «пассивность пассивнее самой пассивности» также может у них отсутствовать. Т. е. размышления Мальдине, его наблюдения и исследования в психиатрии помогают разграничить концепты «психическая болезнь» и «безумие» по отношению к философии Левинаса. Но насколько применим подход Левинаса при лечении тяжелых патологий – вопрос открытый. Хотя не стоит отрицать и то, что идеи Левинаса в последнее время все больше приковывают внимание психологов, психиатров и методологов этих дисциплин.

Мы обратились к Мальдине для прояснения философских проблем и не имеем права и достаточной компетенции для разработки конкретных терапевтических методик или иных рекомендаций. Но если продолжить логику размышлений Шолоховой, то получится, что терапевт не может заниматься навязыванием неких норм поведения своему пациенту, он сам, как мы поняли Шолохову и Левинаса, должен стать «другим», на чей зов психотик не мог бы закрыть уши. В этом смысле в пациенте, как нам кажется, должно появиться что-то, что откликнется на боль «другого», чтобы он ответил на его зов, т. е. принял ответственность за его страдания. И речь здесь не идет о некоем осознанном выборе в пользу или против «другого». Шолохова, сконцентрировавшись на роли «другого» в зарождении субъекта, не рискнула обозначить, что шизофреник должен оказаться в ситуации, когда нечто абсолютно иное коснется его, и он не сможет увернуться от инаковости, потому что коснувшийся его нуждается в помощи, которую ему больше некому оказать. Этот беспо-

мощный в то же время и господин, навязать которому свои правила игры у шизофреника не получится. На основании появления подобной открытости, как мы представляем, и предполагается вести дальнейшее лечение. Но хватит ли у шизофреника сил на встречу с «другим»?

Рональд Лейнг, талантливый психиатр, человек, тонко чувствующий переживания и боль своих пациентов, при описании шизофрении опирался на сартровское понимание «другого». «Другого», которого скорее надо остерегаться, нежели брать на себя ответственность за него. Такое отношение к «другому» объяснялось Лейнгом тем, что при психозах имеется «онтологическая неуверенность». Термин «онтологическая неуверенность» подчеркивает, что человеку буквально не хватает уверенности в своем бытии. Он не чувствует себя в безопасности, и то, что обычным человеком может и вовсе не замечаться, представляет «неизменную смертельную угрозу» [Лейнг, 1995, 37] для шизофреника. Контакт с другим человеком – одна из самых опасных угроз для онтологически неуверенной личности. Как замечает Руткевич, у Лейнга «только в изоляции шизоид чувствует себя в безопасности: индифферентность по отношению к людям и вещам, превращение других личностей в объекты необходимы для него, чтобы сохранить собственное «Я» [Руткевич, 1985, 127]. Т. е. зов «сироты» совершенно необязательно будет воспринят шизофреником как этическое требование и спровоцирует появление левинасовской пассивности. Взгляд «другого» для него – покушение, а не мольба «Не убий!», о которой говорит Левинас.

Не обращаясь к работам Лейнга, французская исследовательница Флора Бастиани пришла к похожим выводам. Бастиани отмечает, что язык Левинаса может порой создать впечатление, что «субъект тонет в безумии» [Bastiani, 2012, 146]. Но, несмотря на это, существует разница между безумием субъекта у Левинаса и психозом преследования, сравнение с которым, по мнению исследовательницы, напрашивается в левинасовском описании «другого». Бастиани считает, что «другой» воспринимается психотиком как угроза, потому что, будучи абсолютно непредсказуемым, он привносит беспорядок «в основу упорядоченной конструкции, которую психотик поддерживает, чтобы сохраняться в существовании» [ibidem, 148]³.

3 При этом нельзя не сказать о том, что в рамках пост-экзистенциализма существуют попытки построения, правда, психологической, а не психиатрической практики с учетом идей как Левинаса, так Лейнга. Психологи, работающие в этом направлении, достаточно аккуратно и избирательно относятся к размышлениям Левинаса и Лейнга. Как и Лейнг, пост-экзистенциалисты указывают на то, что диагноз во многом определяет отношение к пациенту, мешает увидеть за ним личность, понять проблемы и переживания конкретного человека. Поэтому от теорий в начале консультаций плодотворно отказаться, чтобы они заранее не определяли отношение психолога к своему пациенту, не мешали разглядеть за «ярлыком» болезни человека, но впоследствии вполне можно выбрать наиболее подходящие к конкретному случаю теоретические разработки и посмотреть, будут ли они полезны в конкретном случае. Отношение к пациенту предлагается выстраивать с опорой на левинасовское понимание «другого». В пациенте психолог сталкивается с неповторимой уникальностью, инаковостью, которую нельзя ни определять по отношению к различного рода параметрам, ни пытаться сопоставить с «Я» психолога. При этом этика Левинаса, которая кладется в основу отношения врача к пациенту, рассматривается как «ответственность за ответственность Другого перед другими» [Loewenthal, 2011, 28].

Вместе с тем нам кажется важным подчеркнуть, что отношение к «другому», по мнению Левинаса, также базируется на своеобразной «онтологической уверенности». Описывая возникновение субъекта в книге «Тотальность и Бесконечное», Левинас проговаривает, что вступить в отношение с «другим», говорить с ним, преподнести в качестве дара ему свой мир, может только счастливый человек, т. е. тот, чьи потребности удовлетворены, кто способен наслаждаться стихией, словами Лейнга, у кого есть уверенность в своем бытии. Нам кажется, что «онтологическая неуверенность», таким образом, свидетельствует не столько об отсутствии «пассивности пассивнее самой пассивности», сколько о том, что не выполняются некие условия для возможности ответа на зов «другого». Несмотря на схожесть концептов «сверхстрастность» и «пассивность пассивнее самой пассивности», не стоит забывать и о других концептах, используемых Левинасом при осмыслении инаковости. В особенности, если речь идет о попытках трансформации или обосновании некоего способа лечения психических недугов.

Надо учитывать и то, что «событие», в понимании Мальдине, шире левинасовского понимания «другого». Событием для Мальдине может стать не только взгляд «сироты», например, но и появление серны на горном хребте. Ставить знак равенства между появлением животного и неискупаемым страданием другого человека мы не рискуем. Но вспомним, что мир преобразуется и становится другим благодаря тому, что «сверхстрастность» не отвергла инаковость. Мир становится таким, каким его преподносит для Dasein «сверхстрастность». Точнее, мир образуется благодаря действию инаковости, которая была воспринята и принята «сверхстрастностью». Что, на наш взгляд, согласуется с левинасовским представлением о том, что идентичность субъекта зависит от «другого» и формируется на основании ответа на его страдание. Иными словами, каково событие, таково и преобразование мира. Однако не стоит забывать о различиях: по Левинасу, явление серны на горном хребте не вызывает ни сострадания, ни ответственности, в то время, как Лик «другого» – этическое требование. При этом Мальдине считает, что вопрос об инаковости начинается с вопроса именно о другом человеке. «Другой», встреча с тем, сквозь кого, по словам Мальдине, нельзя пройти – первооснова любого вопрошания об инаковости, и потому, на наш взгляд, отношения с ним, по всей видимости, являются наиболее важными. То, что вопрос об инаковости начинается с вопроса о другом человеке говорит о том, что в дальнейшем любое вопрошание об инаковости уже не может избавиться от направления, заданного первым вопросом о другом человеке.

Заключение

Если учесть, что отношение к «другому», порядок должного, который кладется Левинасом в основу субъекта, мыслится им как «семя безумия», то психическая болезнь как

раз окажется не безумной. Безумие ей чуждо, его семена не проросли, потому что при патологии, как мы выяснили, опираясь на исследования Мальдине и Шолоховой, ответа на зов «другого» нет или же он в той или иной мере затруднен, так как нечто, что абсолютно раскрыто и восприимчиво по отношению к инаковости при психической болезни отсутствует. Иными словами, безумие, которое таится в основании мышления и языка, не может быть уподоблено конкретной психической болезни, так как отчасти психическая болезнь свидетельствует о его отсутствии. Соответственно, линией разграничения между безумием и психической болезнью становится «другой». Ответственность за «другого» оборачивается для разума безумием, но такое безумие – само условие мышления. Психическая норма, таким образом, может представляться как способность откликнуться на страдание «другого», взять на себя ответственность за его боль, пожертвовать собой ради его спасения. Психическая болезнь как отсутствие безумия оборачивается неспособностью встретиться с «другим».

Библиография

1. Левинас Э. Гуманизм другого человека // *Время и другой. Гуманизм другого человека*. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 123-252.
2. Левинас Э. Тотальность и бесконечное // *Избранное. Тотальность и бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66-292.
3. Лейнг Р. Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 1995. 352 с.
4. Мальдине А. О сверхстрастности // *(Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами*. М.: Академический проспект, 2014. С. 151-203.
5. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Политиздат, 1985. 175 с.
6. Шолохова С.А. Сверхстрастность и терапевтический подход в даэин-анализе // *(Пост) феноменология во Франции и за ее пределами*. М.: Академический проспект, 2014. С. 256-268.
7. Ямпольская А. Бесконечная значимость произошедшего с другим. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Beskonechnaya-znachimost-proizoshedshego-s-drugim>
8. Bastiani F. La dernière éthique de Levinas cede-t-elle à la folie? // *Rencontrer l'imprévisible. À la croisée des phénoménologies contemporaines*. Argenteuil: Le Cercle Herméneutique, 2012. P. 145-152.
9. Lévinas E. *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*. La Haye: Martinus Nijhoff, 1978. 287 p.
10. Loewenthal D. *Post-existentialism and the psychological therapies: towards a therapy without foundations*. London: Karnac, 2011. 228 p.

Madness and mental illness in the light of the philosophy of E. Lévinas

Elena I. Gromova

Postgraduate,
Department of ontology and theory of cognition,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 27/4 Lomonosovskiy av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vashgromik@rambler.ru

Abstract

The article explores the difference between the concepts of madness and mental illness within the conceptualization of the "other" by E. Lévinas, which affects the understanding of language and thinking. The author of the article aims to explain her hypothesis by using the results of the research that was carried out by S.A. Sholokhova who pointed out the resemblance between the levinassien concept of the "passivity more passive than any passivity" and the concept of "transpassibility" of H. Maldiney. The author pays attention to the fact that both concepts are characterized by absolute openness to otherness. Madness in the conceptualization of the other by Lévinas is seen by the author of the article in the attitude to the other which cannot be explained rationally and is the basis of language and thinking. The absence of "transpassibility" in schizophrenics makes it possible to assume the absence of "passivity more passive than any passivity" in case of mental illness, which allows us to distinguish between the concepts of madness and mental illness. Madness as the responsibility for the other is considered to be a condition for language and thinking. The impossibility or difficulties of the response to the other indicate the presence of mental illness.

For citation

Gromova E.I. (2016) Bezumie i psikhicheskaya bolezni' v svete filosofii E. Levinasa [Madness and mental illness in the light of the philosophy of E. Lévinas]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4, pp. 98-107.

Keywords

E. Lévinas, H. Maldiney, mental illness, madness, the other.

References

1. Bastiani F. (2012) La dernière éthique de Levinas cede-t-elle à la folie? In: *Rencontrer l'imprévisible. À la croisée des phénoménologies contemporaines*. Argenteuil: Le Cercle Herméneutique, pp. 145-152.

2. Laing R. (1959) *The divided self: an existential study in sanity and madness*. Harmondsworth: Penguin Books. (Russ. ed.: Leing R. (1995) *Raskolotoe "Ya"*. St. Petersburg: Belyi krolik Publ.)
3. Lévinas E. (1978) *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*. La Haye: Martinus Nijhoff.
4. Lévinas E. (1985) *Humanisme de l'autre homme*. Paris. (Russ. ed.: Levinas E. (1998) Gumanizm drugogo cheloveka. In: *Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the other. Humanism of the other]. St. Petersburg: St. Petersburg School of Religion and Philosophy, pp. 123-252.)
5. Lévinas E. (1961) *Totalité et infini*. La Haye: Martinus Nijhoff. (Russ. ed.: Levinas E. (2000) Total'nost' i beskonechnoe. In: *Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Selected works. Totality and infinity]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 66-292.)
6. Loewenthal D. (2011) *Post-existentialism and the psychological therapies: towards a therapy without foundations*. London: Karnac.
7. Maldiney H. (2007) De la transpassibilité. In: *Penser l'homme et la folie*. Grenoble: Éditions Jérôme Millon, pp. 263-308. (Russ. ed.: Mal'dine A. (2014) O sverkhstrastnosti. In: *(Post)fenomenologiya. Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology. New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskii prospect Publ., pp. 151-203.)
8. Rutkevich A.M. (1985) *Ot Freida k Khaideggeru: Kriticheskii ocherk ekzistentsial'nogo psikhooanaliza* [From Freud to Heidegger: a critical study of existential psychoanalysis]. Moscow: Politizdat Publ.
9. Sholokhova S.A. (2014) Sverkhstrastnost' i terapevticheskii podkhod v dazain-analize [Transpassibility and the therapeutic approach in Dasein analysis]. In: *(Post)fenomenologiya. Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology. New phenomenology in France and abroad]. Moscow: Akademicheskii prospect Publ., pp. 256-268.
10. Yampol'skaya A. (2012) *Beskonechnaya znachimost' proizoshedshego s drugim* [The infinite significance of what happened with the other]. Available at: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Beskonechnaya-znachimost-proizoshedshego-s-drugim> [Accessed 27/07/16].